

Ольга Шиллинг
Евгения Близкая

ШЕЙХ.
ТОЛЬКО БИЗНЕС,
ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО

**Евгения Близкая
Ольга Шиллинг
Шейх. Только бизнес,
Ваше Высочество**

<https://litres.ru/74554132>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — гениальный синхронист, случайно узнавшая тайну заговора. Он — эмир Дубая, которому грозит финансовый крах. Чтобы спастись, Анна и Саид заключают фиктивный брак. Но золотая клетка дворца, интриги гарема и смертельная опасность обернутся настоящей страстью. Сможет ли хрупкая европейка выстоять против древних традиций и завоевать сердце восточного владыки? История о любви, предательстве и силе женщины, изменившей судьбу целого эмирата.

Содержание

Глава 1. Скорпион-7	5
Глава 2. Цена защиты	14
Глава 3. Правила чужого дома	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Шиллинг

Шейх. Только бизнес, Ваше Высочество

Шейх. Только бизнес, Ваше Высочество

Ольга Шиллинг

Евгения Близкая

Глава 1. Скорпион-7

Я отступила в тень тяжелых бархатных портьер и перенесла вес с одной ноющей ступни на другую. Мои туфли на шпильках, еще утром изящные и удобные, к полуночи превратились в изощренное орудие пыток. За портьерами гремел бальный зал одного из самых дорогих отелей Дубая. Мощные промышленные кондиционеры безостановочно гнали потоки ледяного воздуха, охлаждая пространство, пропитанное ароматами нишевого парфюма, дорогого табака и коллекционного шампанского, но по моей спине все равно скользила тонкая капля пота.

Я — синхронист. Моя профессия требует быть абсолютной тенью, безупречным живым ретранслятором чужих мыслей, голосом, соединяющим людей, которые ворочают миллиардными активами и перекраивают границы рынков. Но сегодня протокол с поминутным расписанием дал катастрофический сбой.

Французский сырьевой трейдер Жан-Поль Ланж, чью речь я без запинки переводила последние четыре часа на закрытом раунде переговоров, к завершению банкета основательно захмелел. Весь вечер его сальный взгляд методично сканировал мою фигуру сквозь строгую ткань делового костюма. Когда я попыталась незаметно покинуть зал через служебную галерею, Ланж нагнал меня в полутемной нише

у перехода в вип-крыло, тяжело навалившись плечом на стену и полностью перекрыв мне единственный путь к отступлению. В лицо ударила удушливая смесь перегара, дорогого коньяка и терпкого, маслянистого уда.

— Вы переводите с такой экспрессией, мадемуазель, — прохрипел он на ломаном английском, и его влажные, липкие пальцы бесцеремонно сжали мое плечо, скользя к ключице и оттягивая край воротника. — Может, мы переместимся в мой люкс на сорок пятом этаже и обсудим ваш персональный бонус за переработку?

Внутри меня вспыхнуло ледяное бешенство. Я потратила шесть лет на два университетских диплома в Лондоне и Москве, ночевала над словарями и финансовыми отчетами не для того, чтобы на меня смотрели как на десерт к нефтяному контракту.

— Мой контракт предусматривает синхронный перевод ваших тезисов, а не обслуживание ваших физических потребностей, господин Ланж, — я отчеканила каждое слово, хотя в висках молотом стучал бешеный пульс.

Вместо того чтобы отступить, он самодовольно осклабился. Его красное лицо приблизилось вплотную, обдавая жаром. Действовать нужно было молниеносно. Я подняла пятку и со всей силы вбила шпильку в подъем его ботинка из крокодиловой кожи. Тонкий каблук продавил жесткую кожу. Ланж судорожно всхлипнул, задохнулся от острой боли и согнулся пополам, хватаясь за ушибленную стопу.

Этих драгоценных полутора секунд мне хватило с головой. Я метнулась в боковой служебный коридор, замаскированный панелями из полированного палисандра. Я видела, как официанты выходили через эти двери; служебный коридор был отмечен и на схеме эвакуации, которую я изучила перед началом работы.

Коридор встретил меня полумраком дежурного освещения и запахом полироли. Сердце колотилось где-то у самого горла. Я нащупала металлическую ручку первой попавшейся служебной двери и юркнула внутрь. Тесная подсобка клининговой службы пахла лимонным дезинфектором и свежевystираным хлопком. Прижавшись спиной к тонкому полотну двери, я закрыла защелку и замерла, пытаюсь выровнять сбитое дыхание. Нужно выждать минут десять, спуститься на служебном лифте на парковку, вызвать такси и заявить координатору агентства о грубейшем нарушении безопасности клиентом.

И в этот миг за тонкой гипсокартонной перегородкой раздались голоса.

Звук проникал через общую вентиляционную шахту, связывающую подсобку с частным кабинетом смежного представительского люкса. Говорили двое мужчин — негромко, размеренно, на бедуинском диалекте региона Неджд, с резкими гортанными звуками и старинными оборотами. Во время магистратуры я посвятила два года исследованию изолированных лингвистических групп Аравийского полуострова.

Разбирала этот говор я свободно.

— ...сброс начнется ровно в девять ноль-ноль по дубайскому времени, — произнес первый, чеканя слова. — Сначала пустим порцию через наших людей в Гонконге, следом подключим брокеров в Цюрихе. Котировки флагманских активов холдинга упадут минимум на сорок процентов за первые двадцать минут. Его аналитические отделы и финансовые фонды просто физически не успеют переставить заявки и выставить защитные ордера. — Эмир Саид аль-Мактум слишком долго верил в собственную непогрешимость, — глухо отозвался второй собеседник, и в его голосе слышалась неприкрытая ядовитая усмешка. — К полудню его семейная империя окажется на грани дефолта, а Совет эмиратов потребует передачи контрольных пакетов консорциуму. Коды доступа к швейцарским счетам у тебя на защищенном носителе? — Разумеется. Транзакции расписаны по восьми офшорным фирмам-прокладкам на Кайманах. Запуск подтвержден цифровым ключом «Скорпион-7»...

Моя эйдетическая память — тяжелое врожденное свойство психики и одновременно мое главное профессиональное оружие — мгновенно включилась в привычный рабочий режим. В голове с пугающей отчетливостью отпечатывались семизначные номера траншей, латинские аббревиатуры подставных юридических лиц, персональные клички брокеров и точное время спланированной экономической диверсии. Они готовили финансовый расстрел в упор против эмира Са-

ида ибн Рашида аль-Мактума — фактического хозяина этого мегаполиса, одного из влиятельнейших людей Ближнего Востока.

Нужно было уходить. Немедленно. Любая секунда промедления здесь равнялась самоубийству. За такие тайны в пустыне закатывают в бетон без суда и следствия.

Я сделала предельно осторожный шаг назад, стараясь бесшумно нащупать дверную ручку. Но в непроглядной тьме носок туфли задел за край тяжелой металлической швабры. Металлическая ручка с сухим, раскатистым звоном ударилась о керамическую плитку, зацепив стопку оцинкованных ведер.

Я застыла с рукой на защелке, оглушенная собственным грохотом.

За стеной мгновенно воцарилась гробовая, ледяная тишина. Секунда. Вторая. Тонкая дверь подсобки с треском распахнулась от мощного пинка снаружи. В глаза ударил ослепляющий белый конус света от армейского подствольного фонаря.

— Кто здесь?! Вылезай, мразь! — прорычал тяжелый бас.

Мужская пятерня в перчатке из плотной кожи сгребла ворот моего пиджака, срывая пуговицы, и одним рывком выдернула меня в освещенный коридор. Меня с размаху приложили лопатками о бетонную стену так, что из легких вышибло весь воздух, а зубы клацнули.

Передо мной стояли двое широкоплечих громил в тем-

но-серых заказных костюмах с характерными выпуклостями кобур под левыми подмышками — личная служба безопасности заговорщиков. Тот, что держал меня за горло, вдавил большой палец в сонную артерию, заставляя мир вокруг темнеть и распадаться на круги.

— Ты кто такая? Что ты здесь делала?! Говори, сука, или сверну шею прямо здесь! — его глаза горели звериной готовностью к немедленному убийству.

Горло перехватило спазмом; я ловила воздух открытым ртом, кровь шумела в ушах. Я обмякла в его хватке. Слезы хлынули из глаз от боли; через сдавленное горло вырывался только хрип. Пусть видит во мне испуганную переводчицу — тогда, может быть, я успею добраться до людей в зале.

— Пожалуйста... пустите... — мой голос сорвался на удушливый, жалкий шепот, губы мелко задрожали. — Я... переводчица с приема... французский гость... господин Ланж, он погнался за мной... домогался... Я спряталась туда, чтобы переждать, пока он уйдет... Я ничего не понимаю, ради бога, отпустите!

Охранник внимательно всмотрелся в мое мокрое от слез лицо, в порванную блузку и растрепанные волосы. Он ослабил хватку и повернулся к напарнику. Я вцепилась в его запястье, втягивая воздух.

— Очередная шлюха европейская заплутала, — брезгливо бросил он напарнику, все еще удерживая меня у стены. — Ланж опять распустил руки. — Кончай ее тихо и сбрось

в технический ствол для белья, — хмуро отозвался второй, нервно оглядывая пустой коридор. — Нельзя рисковать перед утром.

Первый коротко кивнул и занес кулак для сокрушительного удара в висок. Я зажмурилась и вжала голову в плечи.

Коридор огласили два резких хлопка, приглушенных стенами. Тело державшего меня амбала неестественно дернулось, мышцы его руки мгновенно обмякли, и он мешком рухнул к моим ногам с аккуратным круглым отверстием позади уха. Второй громила дернулся к кобуре: еще два приглушенных выстрела опрокинули его навзничь на кафедру.

Я сползла по стене на пол, судорожно хватая ртом спасительный воздух.

Из темноты служебного холла бесшумно, точно пантеры, выступили четверо оперативников в черной тактической экипировке без нашивок и шевронов, вооруженные карабинами с длинными глушителями. Следом за ними, переступив через лежащего охранника, шел рослый мужчина лет сорока с хищным профилем, гладко зачесанными темными волосами и строгой военной выправкой. Темно-синий костюм ручной работы сидел на нем как парадный мундир, а во взгляде серых, точно полированная сталь, глаз сквозил холодный, хирургический расчет.

— Сообщница ликвидированных? — коротко бросил он на чистом арабском своим бойцам, указав на меня коротким движением подбородка. — Нет! — я попыталась подняться,

опираясь о стену, но предательская дрожь в коленях заставила меня покачнуться. — Я переводчик международной гильдии! Я не с ними! — Изолировать и упаковать, — ледяным тоном скомандовал офицер, проходя мимо. — Его Высочество требует доклада через двадцать минут.

Двое оперативников жестко подхватили меня под руки, оторвав от пола. Я требовала вызвать полицию, называла законы, а оперативники молча тащили меня к лифту. Один придерживал створки, второй уже докладывал в микрофон на воротнике. Меня протащили через лабиринты подземных коммуникаций отеля, вывели на закрытую служебную рампу и втолкнули на заднее сиденье бронированного внедорожника.

Мужчина с ястребиным лицом сел на переднее пассажирское кресло и достал защищенный спутниковый телефон. — Двое ликвидированы, — доложил он в трубку. — Женщина у нас. Личность проверяем.

Понимая, что сейчас закроются двери и моя судьба будет решена в глухом подвале контрразведки, я собрала всю волю в кулак и заговорила громко, четко, с идеальной бедуинской артикуляцией: — Утром в девять ноль-ноль они начинают сброс активов эмира через Гонконг и Цюрих. Ключ транзакций — «Скорпион-7». Офшоры на Кайманах.

Тишина в салоне броневика стала абсолютной. Слышно было лишь тихое потрескивание рации.

Офицер медленно опустил телефон. Его стальные глаза в

зеркале заднего вида сузились, превратившись в две ледяные щели. Он повернулся ко мне всем корпусом, и в его правой руке появился тяжелый пистолет с глушителем, дуло которого уперлось прямо мне в переносицу.

— Откуда у тебя эти данные? — его голос звучал тихо, но в нем звенела смертельная угроза.

Я уставилась в холодный зрачок пистолетного ствола; веки жгло, но взгляд оставался прикован к дулу. — Я слышала разговор двоих мужчин через вентиляционную решетку, — мой голос обрел профессиональную металлическую твердость. — Они говорили на неждском диалекте. Я могу повторить каждое слово. У меня в голове номера траншей, фамилии посредников и пароли доступа. Без меня ваш шейх к полудню станет нищим банкротом. Везите меня к нему. Немедленно.

Офицер изучал мое лицо несколько томительно долгих секунд, просчитывая расклад. Металл пистолета медленно опустился. — Если в твоих словах хоть капля лжи, девчонка, до рассвета ты не доживешь. Персидский залив надежно прячет болтунов, — он убрал оружие во внутренний карман и бросил водителю: — В резиденцию. Полный приоритет.

Глава 2. Цена защиты

Двери захлопнулись, и водитель вывел машину со служебной рампы.

Мы неслись по ночному шоссе шейха Зайда в сопровождении двух машин прикрытия с выключенными проблесковыми маячками. Ночной Дубай за бронированными тонированными стеклами походил на футуристическую световую иллюминацию: взмывающие в черное небо иглы небоскребов, залитые золотом развязки, зеркальные фасады башен. Я высматривала указатели к полицейскому участку, пока кортеж не свернул за высокий мраморный периметр частной резиденции эмира.

Скоростной бесшумный лифт с отделкой из карельской березы вознес нас на верхний уровень закрытого пентхауса. Двери разъехались, и меня провели в кабинет, масштабы которого поражали воображение. Пространство утопало в приглушенном теплом свете. Под ногами лежал гигантский шелковый исфаханский ковер ручной работы. За панорамной дугой остекления от пола до потолка раскинулся ночной залив, усеянный огнями стоящих на рейде танкеров и яхт.

В глубине кабинета за исполинским монолитным столом из полированного черного габбро сидел мужчина.

— Докладывай. У тебя шестьдесят секунд, — низкий, бархатный голос заполнил кабинет.

Я сделала три шага вперед, расправила плечи, разгладила измятый рукав жакета и встретила его взгляд. Эмир Саид ибн Рашид аль-Мактум. В реальности он оказался значительно монументальнее и опаснее, чем на официальных снимках мировых медиа. Жесткие, смоляные волосы с легкой проседью на висках, хищная лепка скул, тяжелая, властная челюсть и глаза — густого оттенка крепчайшего кофе без сахара, в которых читался лишь холодный, всепоглощающий расчет. От него исходило то осязаемое физическое излучение абсолютной власти, которое заставляет людей склонять головы без единого приказа.

— В девять часов утра начнется массированная атака на котировки ваших ключевых логистических и нефтяных подразделений, — заговорила я, намеренно выдерживая идеальный темп профессионального брифинга.

Моя память разворачивала звуковые файлы подслушанного диалога с точностью цифрового диктофона. Я перешла на тот самый архаичный неждский диалект, в точности копируя интонации заговорщиков, воспроизводя закрытый финансовый жаргон и называя точные порядки цифр. Я выдала цепочку транзакций через Гонконг, Цюрих и офшорные структуры на Кайманах, назвала фамилии подкупленных трейдеров и финальный цифровой код «Скорпион-7».

Пока я говорила, лицо эмира оставалось безупречной гранитной маской. Он перевел взгляд на Тарика и дважды коснулся столешницы. Офицер с ястребиным профилем — пол-

ковник Тарик аль-Хашеми, начальник личной безопасности правителя — подошел к столу с раскрытым планшетом в руках. Пальцы полковника быстро пробежались по экрану, проверяя базы данных контрразведки.

— Номера счетов совпадают с нашей разработкой, Ваше Высочество, — произнес Тарик, придвинув планшет к краю стола. Начальник охраны, еще полчаса назад грозивший мне Персидским заливом, развернул планшет так, чтобы я тоже видела экран. — Вот эти счета? — спросил он уже у меня. Я сверила номера и кивнула.

Саид аль-Мактум медленно откинулся на спинку высокого кожаного кресла, соединив кончики пальцев перед собой. Его темный, тяжелый взгляд скользнул по мне с ног до головы, словно оценивая редкий трофей или опасное оружие, неожиданно оказавшееся в его арсенале.

— Птицы с такими познаниями не гнездятся в гостиничных подсобках случайно, — произнес он, и в глубине его низкого голоса зазвучала сталь. — Какова твоя цена за эту информацию и молчание? Назови сумму, и чек будет выписан прямо сейчас.

Я с трудом сглотнула и подняла подбородок. — Мне не нужны ваши подачки, Ваше Высочество. Я требую гарантий личной неприкосновенности и билет на ближайший утренний рейс в Лондон. Вызовите дежурного дипломата моего консульства. Я гражданка другой страны. Сегодня я приехала в отель работать.

Саид поднялся из-за стола. Его высокий рост и разворот плеч мгновенно заполнили собой все пространство вокруг меня. Он подошел вплотную — так близко, что до меня донесся горьковатый аромат черного мускуса, ладана и дорогого табака.

— Консула? — эмир сухо усмехнулся, и от этого звука по моей коже пробежал мороз. — Девочка, ты только что коснулась тайн, за которые стирают с лица земли целые кланы вместе с их поместьями. Мои противники уже знают, что в служебном коридоре произошла утечка. Их люди будут ждать тебя у аэропорта и на подъезде к консульству. Стоит тебе переступить порог этого здания одной — и ты не доедешь даже до первого перекрестка. Твой консул получит лишь отчет о несчастном случае на скоростной трассе.

Ледяная волна осознания окатила меня с головы до ног. Я вспомнила кулак у виска и двоих на кафеде. Его угроза уже имела лица, а я продолжала цепляться за билет в Лондон.

— И каков ваш план? — глухо спросила я, заставляя себя удержать его взгляд. — Сделать меня бессрочной заложницей в ваших золотых подвалах?

— Утром, — Саид наклонился чуть ниже, его теплое дыхание ожгло мою скулу, — весь дипломатический корпус и все мировые издания получают официальное коммюнике. Ты будешь объявлена моей невестой. Женщиной, чей статус освящен моим именем. Ни один человек на этом континенте не посмеет поднять руку на ту, что публично названа бу-

душей женой эмира Дубая. Это единственный способ сохранить тебе жизнь и оставить тебя рядом со мной до тех пор, пока заговорщики не будут полностью ликвидированы.

Я отшатнулась и уперлась бедром в край стола. — Невестой?! Это фарс! Я профессиональный лингвист, аналитик международных рынков, а не декорация для вашего политического прикрытия!

Саид молча вернулся к столу, выдвинул верхний ящик и извлек тяжелую кожаную папку с тисненым золотым гербом династии. Папка легла на черную полированную поверхность габбро с глухим стуком.

— Это проект брачного контракта. Фиктивного союза. Совет старейшин уже два года требует от меня публичной помолвки для стабилизации позиций перед новыми инвестиционными раундами. Твое внезапное появление закрывает мою внутривнутриполитическую уязвимость, а взамен ты получаешь абсолютную государственную защиту армии и спецслужб эмирата. Мы заключаем взаимовыгодную сделку.

Я подошла к столу и открыла первый лист. Безупречный юридический текст на двух языках — классическом арабском и британском английском. В оставленной пустой графе сторон я вписала свое имя:

«Анна Воронцова, гражданка Российской Федерации, и Его Высочество шейх Саид ибн Рашид аль-Мактум...»

Я внимательно вчитывалась в параграфы: протокольные обязательства, режимы публичных выходов, гарантии без-

опасности, колоссальные суммы компенсаций при расторжении... и вдруг мой взгляд споткнулся о седьмой пункт: «Безусловное исполнение супружеских обязанностей и совместное проживание на половине эмира».

Кровь прилила к щекам. Я взяла со стола массивную перьевую ручку с золотым пером, перечеркнула седьмой пункт толстым крестом, поставила рядом размашистые инициалы «А.В.» и лишь после этого подписала последнюю страницу. Затем внесла те же исправления во второй экземпляр и подписала его.

— Только бизнес, Ваше Высочество, — я посмотрела ему прямо в глаза, положив ручку на стол. — Без физических обязательств и без иллюзий. Я подписываю эту бумагу исключительно ради выживания. Но если вы думаете, что я соглашусь быть бессловесной куклой на приемах, вы глубоко заблуждаетесь. Я дипломированный финансовый аналитик. Я требую прямого доступа к материалам сделок и права присутствовать на ваших ключевых переговорах. Иначе я для вас бесполезна, а вы для меня — просто надсмотрщик.

Полковник Тарик аль-Хашеми, застывший у дверей кабинета, шумно втянул воздух: — Мой господин, допускать иностранку к оперативным материалам безопасности... это нарушение базовых регламентов.

Саид медленно поднял ладонь, обрывая начальника охраны. В глазах эмира вспыхнул опасный, хищный интерес. Тонкая усмешка тронула его губы. — Пусть покажет себя в

деле. Если ее аналитический аппарат столь же остр, сколь дерзок ее язык, мы извлечем из этого контракта максимальную пользу.

Саид взял ручку, поставил инициалы рядом с моими исправлениями и подписал оба экземпляра. Один оставил для дворцового архива, второй отдал мне. Затем коснулся сенсорной панели на столе. — Тарик, проводи госпожу Воронцову в ее покои в центральном крыле.

Тарик открыл передо мной дверь кабинета и повел к жилому крылу. По дороге он вернул мою сумку, которую люди охраны нашли в отеле, и передал защищенный смартфон с номером для прямой связи с ним и Саидом.

Я предполагала, что меня разместят в гостевых комнатах дворца, где за закрытыми дверями я смогу наконец остаться наедине с собой и переварить стремительное крушение моей привычной жизни. Но полковник привел меня в грандиозные апартаменты, примыкающие непосредственно к хозяйской анфиладе.

Стены были затянуты жемчужным шелком, пол устилал светлый мрамор, в центре высилась кровать под невесомым балдахином, а в глубине комнаты виднелась массивная резная двустворчатая дверь из мореного дуба с позолоченными накладками.

За моей спиной слышались шаги. — Смежные покои. Саид вошел следом, на ходу расстегивая ворот сорочки. — Дворец прослушивается десятками враждебных ушей.

Слуги, охрана, наблюдатели Совета — все ждут малейшей ошибки. Мы обязаны демонстрировать абсолютную близость двадцать четыре часа в сутки. Моя спальня — за этой дверью.

Мое сердце сжалось от внезапного приступа паники. Делить спальное крыло с этим непредсказуемым, опасным человеком? Саид прошел в свою спальню. Едва он прикрыл за собой створку, я метнулась к дубовой двери и повернула ключ в тяжелом золоченом замке.

Через секунду с той стороны раздался мягкий металлический щелчок. Замок легко провернулся под мастер-ключом, и створка плавно распахнулась. Саид стоял в проеме, держа руку в кармане брюк, и его темный взгляд изучал меня с насмешливой снисходительностью. — Запомни раз и навсегда, Анна: в этом дворце не существует дверей, способных запереться от меня, — произнес он бархатным, вкрадчивым тоном. — Привыкай к новой реальности.

Он подошел к мраморному столику у зеркала и небрежным движением опустил на полированный камень тяжелый черный прямоугольник безлимитной банковской карты с золотым тиснением династии. — Впереди череда закрытых встреч и дипломатических раундов. Те самые конкуренты из сырьевого синдиката уже готовят большой гала-прием, уверенные в своей безнаказанности. Мы появимся там вместе, когда придет время, и ты обязана выглядеть безупречно. Воспользуйся картой и закажи все, что сочтешь нужным для

жизни во дворце.

Я бросила на черную карту взгляд, полный откровенного презрения. — Заберите ее обратно, — мой подбородок взметнулся вверх. — Мои гонорары за международный синхронный перевод позволяют мне оплачивать собственные счета. Я согласилась на фиктивный брак ради взаимной безопасности, а не ради того, чтобы превратиться в вашу платную содержанку.

Саид задержал взгляд на карте, затем посмотрел на меня. Уголок его рта приподнялся. Он поднял карту со столика и убрал в карман. — Похвальная гордость, — медленно протянул он. — Но на дипломатическом рауте ты будешь одета по протоколу моего дома. Это не обсуждается.

Меньше чем через сорок минут по личному распоряжению эмира двое старших дворецких доставили в мои покои десятки фирменных кофров и коробок от ведущих кутюрных домов Парижа и Милана. Шелк, органза, безупречные вечерние костюмы строжайшего кроя. — Расходы на приемы оплачивает мой дом, — негромко произнес Саид, наблюдая за мной от смежной двери. — Примерь. Выбери то, в чем сможешь выдержать несколько часов переговоров.

Я провела рукой по прохладному шелку одного из вечерних нарядов. В этих словах была правда. Я достала строгий вечерний костюм и приложила жакет к плечам. В таком я могла сесть за стол переговоров и потребовать слово. Остальные коробки пока отодвинула к стене.

Двойные двери между нашими спальнями закрылись.

Я осталась одна посреди слепящей, подавляющей роскоши. Сняв туфли, я прошлась босиком по ледяному мрамору к панорамному окну. Далеко внизу мерцали огни дубайских магистралей, а через смежную дверь доносились шаги эмира Саида аль-Мактума. Он был в нескольких метрах от меня. Опасный, всемогущий правитель, связавший свою судьбу с моей одной подписью на гербовой бумаге.

Первая ночь в золотой клетке опустилась на город тяжелым черным бархатом. Я поставила будильник на семь и разложила на столике листы с именами брокеров. К утру они должны были оказаться у Тарика. А потом мне предстояло выйти из этой комнаты под новым именем: невеста эмира.

Глава 3. Правила чужого дома

Я отправила Тарику записанные ночью имена и коды.

Первое утро в моем новом статусе началось с оглушительной, почти осязаемой тишины. Вместо привычного городского гула я слышала мерный, усыпляющий шепот мраморных фонтанов в саду и терпкий, кружащий голову аромат цветущего жасмина, проникавший через приоткрытые створки гигантских панорамных окон. Моя новая спальня была залита мягким персиковым светом восходящего солнца, позолотившим резные карнизы и тяжелые шелковые драпировки.

Я потянулась на простынях из египетского хлопка, чувствуя, как вчерашнее колоссальное напряжение медленно отступает, оставляя в теле ноющую боль в плечах и шее. Еще несколько часов назад я была безымянным синхронистом, прятавшимся от пьяного клиента среди ведер и швабр. Сегодня я — официальная невеста эмира Саида ибн Рашида аль-Мактума, правителя Дубая. Звучит как сюрреалистический бред или дешевая восточная мелодрама, но подписанный контракт с золотым гербом правящей династии на прикроватном столике из оникса возвращал к жесткой реальности.

Я поднялась, накинула струящийся шелковый халат поверх тонкой ночной сорочки и нажала бронзовую клавишу

вызова внутренней службы. Мне был жизненно необходим двойной эспрессо. Такой крепкий, чтобы от одного глотка прояснилось в глазах и я смогла разобраться в записях.

Через три минуты в массивную дверь деликатно постучали. Молодая служанка в темно-синей униформе с серебряным шитьем внесла тяжелый поднос. Я ждала запаха обжаренных зерен, но, сдернув льняную салфетку, замерла. На серебре стоял тонкостенный хрустальный армуд с обжигающе горячим, приторно-сладким мятным чаем. Рядом лежала горка засахаренных фиников.

— Я просила крепкий черный кофе, — я отодвинула чашку, стараясь говорить мягче с перепуганной девушкой. Девушка испуганно опустила ресницы, ее пальцы судорожно сжали край подноса: — Простите, госпожа... Шейха Фатима, Валиде-султан, отдала строжайшее распоряжение: на всей женской половине дворца подавать исключительно традиционный утренний чай по старинному семейному рецепту. Никакого кофе.

Вот оно. Холодная позиционная война началась без объявления, с мелких бытовых уколов. Мать эмира решила с первого же утра очертить мои границы, сломать привычный уклад европейки и принудить к безоговорочному послушанию гаремному регламенту.

Я сделала медленный вдох, превращая естественное раздражение в холодную расчетливость. — Где расположена главная дворцовая кухня? — спросила я, протягивая слу-

жанке поднос. — В цоколе западного крыла, госпожа, но... посторонним туда вход строжайше воспрещен...

Я поблагодарила ее за чай. Затянув пояс халата плотнее и расправив плечи, я вышла в галерею. Мягкий ворс персидских дорожек скрадывал шаги. Дворец только начинал свое утреннее движение. Гвардейцы в белых туниках у колонн удивленно вытягивались во фронт, провожая взглядом чужестранку, целеустремленно шагавшую по переходам, ориентируясь на запахи специй и звон посуды.

Главная кухня дворца напоминала космический командный пункт: сияющая нержавеющая сталь, сверкающая медь, десятки поваров и су-шефов, двигавшихся с военной слаженностью. В центре этого кулинарного муравейника возвышался массивный седовласый мужчина в белоснежном кителе с безупречно накрахмаленным колпаком, экспрессивно раздававший указания на смеси языков.

— Госпожа! — вскрикнул один из помощников, уронив серебряную лопатку. Работа мгновенно замерла. Десятки глаз уставились на меня. Шеф-повар медленно обернулся. На его широком, породистом лице отразилась смесь священного возмущения мастера, чью территорию осквернили, и глубокого недоумения.

— Scusi, signorina, ma la cucina non è un luogo per le passeggiate degli ospiti, — сухо и раздраженно произнес он на чистом итальянском, очевидно, приняв меня за заблудившуюся европейскую гостью.

— Non sono un'ospite, maestro, — ответила я на безукоризненном тосканском диалекте, выдерживая певучие гласные с естественностью коренной флорентийки. — Sono Anna, la futura sposa dell'Emiro Said. E ho un disperato bisogno di un vero espresso doppio. Se lo preparate voi, salverete la mia giornata e diventerete il mio eroe personale.

Глаза шефа округлились. Он переспросил меня по-итальянски, я ответила, и его взгляд скользнул к моему халату, затем снова к лицу. Ледяная надменность мгновенно улетучилась, лицо озарила широкая, эмоциональная улыбка южанина.

— Per la sposa di Sua Altezza — tutto ciò che desidera! — воскликнул он, галантно приложив руку к груди. — Я маэстро Луиджи Моретти. Лучший эспрессо от Рима до Персидского залива будет в вашей чашке через сорок секунд!

Пока грандиозная хромированная машина ручной сборки с глухим шипением выдавала густую, смоляную струю под давлением в девять бар, мы успели обменяться с маэстро мнениями о нюансах обжарки зерен с плантаций Коста-Рики и разнице в температуре подачи на севере и юге Италии. Луиджи смотрел на меня с нескрываемым профессиональным восхищением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.